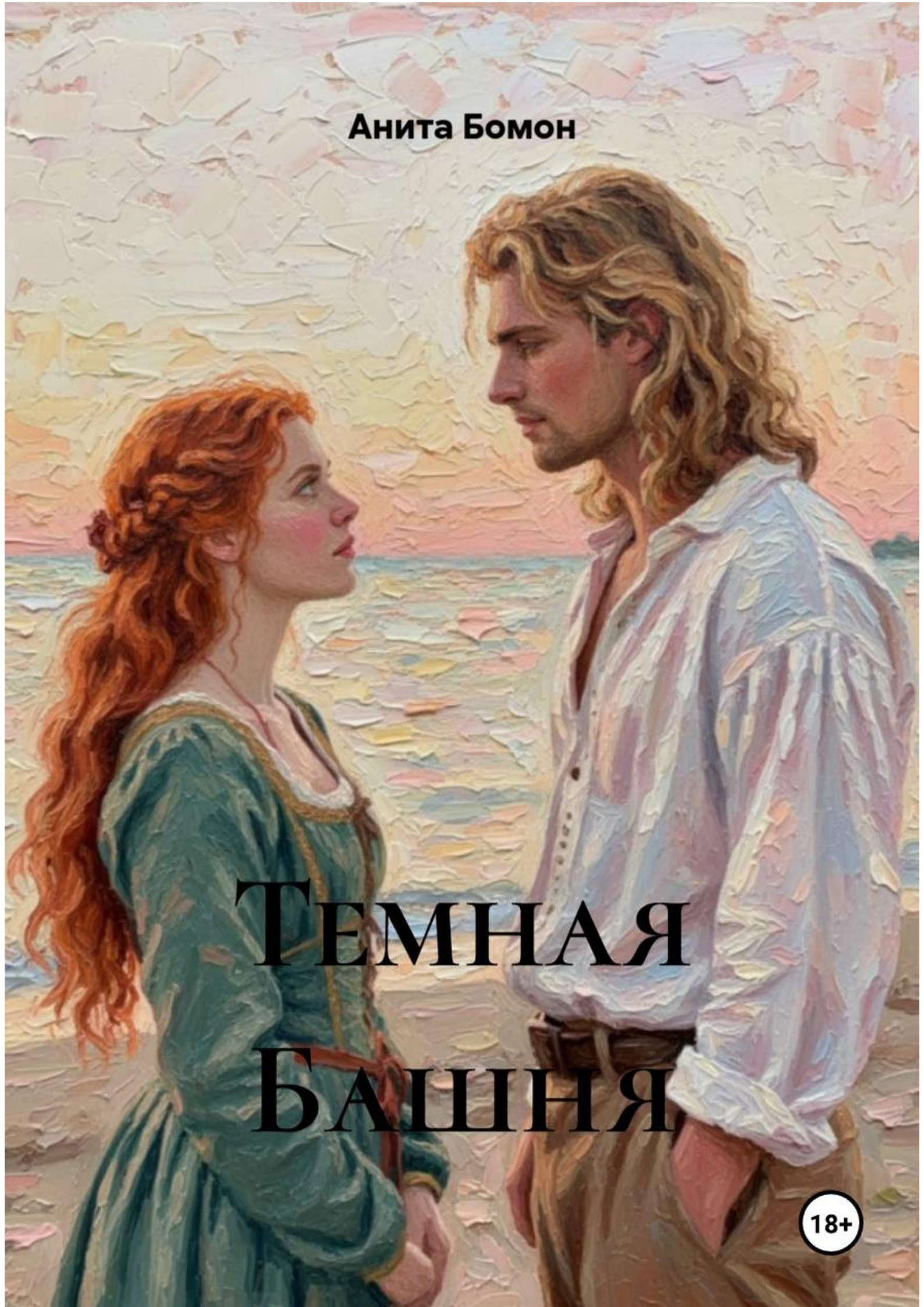

The background of the cover is a painting of a man and a woman standing on a beach, looking at each other. The woman, on the left, has long, wavy red hair and is wearing a green dress. The man, on the right, has long, wavy blonde hair and is wearing a white shirt. The background shows a sunset or sunrise over the ocean with a pink and orange sky.

Анита Бомон

ТЕМНАЯ БАШНЯ

18+

Анита Бомон
Темная Башня

«Автор»

2026

Бомон А.

Темная Башня / А. Бомон — «Автор», 2026

В дождливый день Эльза находит на пороге письмо, призывающее отправиться в Башню Четырех Ветров, где скрыты ответы на вопросы, терзающие душу.

Путь к истине полон неожиданностей: вместо спокойного путешествия она оказывается на борту пиратского корабля. Вихрь приключений, интриг и тайн ведет Эльзу к осознанию, что ответы могут быть найдены не только в загадочной башне, но и в самом сердце. "Темная Башня" - это роман о любви, приключениях и поисках своего места в мире.

© Бомон А., 2026

© Автор, 2026

Анита Бомон

Темная Башня

Глава 1

Город назывался Эвенхолл, но Эльза не помнила, чтобы здесь хоть кому-то было хорошо.

Она стояла у окна, прижавшись лбом к холодному стеклу, и смотрела, как серый рассвет наползает на черепичные крыши Нижних Кварталов. Дождь моросил третий день подряд — мелкий, надоедливый, он не лил стеной, а словно плевал в лицо каждому, кто осмеливался выйти на улицу. Камень мостовых блестел жирно, маслянисто, отражая тусклый свет редких фонарей. Фонари здесь заправляли не магией — магия стоила дорого, — а дешёвым горючим маслом, от которого по вечерам над городом стелился сизый, горьковатый дым.

Эльза разглядывала своё отражение: худое лицо с острыми скулами, бледная кожа, почти прозрачная в этом свете, и нос с небольшой горбинкой — единственное, что спасало лицо от кукольной красоты. Голубые глаза смотрели на неё из стекла устало, без интереса. Длинные рыжие волосы она не стала заплетать — они лежали на плечах, путаясь у висков, и цветом напоминали не огонь, не осень, а что-то другое. Что-то мёртвое. Снизу донёсся крик — уличный торговец зазывал покупателей на солёную рыбу. Кричал хрипло, безнадёжно. В Эвенхолле всё звучало именно так: хрипло и безнадёжно. - Ну и мрак, - прошептала Эльза и отвернулась от окна.

Комната была маленькой, но чистой, насколько это вообще возможно в доме, построенном лет триста назад. Стены из серого камня, потолочные балки потемнели от времени и копоти. Единственная свеча на столе почти догорела — жёлтый огонёк вздрагивал, отражаясь в лужице расплавленного воска. Рядом лежала раскрытая книга — «Трактат о ядах и противоядиях» некоего Магнуса Ферра, изданный в соседнем королевстве Эрдайн. Эльза читала её уже третий месяц подряд, делая пометки на полях огрызком карандаша. Не потому, что была отравительницей. Просто другой книги не нашлось, а читать хотелось хоть что-то. Её жизнь в Эвенхолле была... никакой.

Эльза работала помощницей городского архивариуса — мрачного старика по имени Орвин, который почти не разговаривал, а только кашлял в кулак и перекладывал пыльные свитки с места на место. Платили мало, но хватало на комнату, хлеб и иногда — на табак. Она курила трубку, потому что это успокаивало, потому что дым заполнял пустоту в груди, и потому что это было хоть какое-то действие, хоть какой-то ритуал, делавший вечера чуть более сносными.

Она подошла к столу, взяла с края глиняную трубку — простая, без резьбы, тёмная от времени, — набила её остатками табака из жестяной банки. Чиркнула спичкой, поднесла огонёк к чаше, затянулась. Дым обжёг горло, поднялся к потолку серой струйкой. Эльза выпустила его через нос и закашлялась.

Вот так и жила. День за днём. Пыль, свитки, дождь, трубка, сон. Иногда она думала: а что если где-то там, за горами, за морем, в других городах с чужими названиями — в Аш-Тарине, в Иллирии, в портовом Валенсете, — жизнь устроена иначе? Может, там солнце светит чаще, чем раз в месяц, и люди не ходят с серыми лицами? Может, там умеют смеяться, не оглядываясь по сторонам? Но это были глупые мысли. Эльза знала: её судьба здесь. В этом городе. В этой комнате. С книгой о ядах и трубкой в зубах.

Она затянулась ещё раз и вдруг услышала стук. Не в дверь — стучали снизу, в стену дома, с улицы. Три удара, пауза, ещё два. Так стучали только свои. Эльза нахмурилась, положила трубку на край стола и, накинув плащ, стала спускаться по скрипучей лестнице. Свеча позади неё потухла сама собой.

Она толкнула тяжёлую дверь — петли скрипнули протяжно, жалобно, — и вышла на порог.

Улица была пуста. Только дождь.

Морось оседала на ресницах, на плаще, на рыжих волосах, выбившихся из-под капюшона. Эльза огляделась по сторонам — ни души. Булыжная мостовая блестела, фонарь на углу чадил, ветер гнал вдоль стены мокрый лист. Никто не убегал, никто не прятался за углом.

Ложный вызов? Чья-то глупая шутка?

Она уже хотела вернуться в дом, когда взгляд упал вниз. Прямо на каменной ступеньке, у самой двери, лежал конверт.

Чёрная бумага. Плотная, дорогая — такая, какую в Эвенхолле не купишь ни в одной лавке. Эльза наклонилась и подняла его. Бумага была сухой, хотя дождь моросил уже несколько часов. Конверт перевязывала серебряная нить, тонкая, блестящая, и на свету фонаря она мерцала, как паутина под росой. Эльза оглядела улицу ещё раз. Никого. Она сжала конверт в пальцах, чувствуя странное тепло, исходящее от бумаги, и вернулась в дом. Заперла дверь. Засов лёг в паз с глухим стуком, будто отрезая её от остального мира.

В комнате она снова зажгла свечу — пальцы чуть дрожали, фитиль загорелся не сразу, — и села за стол. Конверт лежал перед ней. Ни адреса, ни печати. Только серебряная нить. Эльза потянула за неё, и та размоталась легко, сама собой, словно ждала прикосновения.

Внутри оказался один-единственный лист. Такая же плотная чёрная бумага, а по ней — буквы, выведенные серебряными чернилами. Почерк был ровным, чуть вычурным, с завитками на заглавных буквах. Не женский. Не мужской. Чужой. Она прочла:

«Эльза из Эвенхолла. Ты носишь имя, которого не знаешь. Ты живёшь жизнью, которая тебе не принадлежит. Ты куришь трубку и читаешь о ядах, потому что твоё сердце помнит то, чего разум не смеет вспомнить. В Аш-Тарине, в Башне Четырёх Ветров, тебя ждут. Приди, если осмелишься. Не приходи — и останешься здесь навсегда. Тот, кто знает тебя дольше, чем ты сама».

Подписи не было.

Эльза перечитала письмо трижды. Потом ещё раз. Сердце колотилось где-то у горла, и это было странно — она не испытывала ничего подобного уже много лет. Страх? Нет, пожалуй. Скорее, предчувствие. Что это? Шутка? Ловушка? Или правда?

Аш-Тарин — далёкий город на юге, за горами, за землями королевства Эрдайн. Она знала о нём только из книг: белые башни, рынки пряностей, храмы с золотыми куполами. И Башня Четырёх Ветров — старая легенда, кажется, что-то про магов, то ли живых, то ли мёртвых, то ли никогда не существовавших. И вот теперь — письмо. На чёрной бумаге. С серебряными чернилами. В Эвенхолле, где о ней никто не знает, где она — просто пыль, просто тень среди свитков, просто девушка с трубкой и пустотой в груди.

Кто мог написать это? И почему сейчас?

Она отложила письмо и потянулась за трубкой. Рука сама, по привычке, нащупала глиняный чубук, насыпала табак, утрамбовала. Спичка чиркнула, огонёк лизнул сухие листья, и горьковатый дым заполнил лёгкие. Эльза затянулась и закрыла глаза.

«Ты носишь имя, которого не знаешь».

Чушь. Имя как имя. Эльза — обычное имя, одно из самых простых, без родовых приставок, без дворянских «эль» и «эр». Мать дала его перед смертью — так говорили ей в приюте, где она выросла. Мать умерла при родах, отец неизвестен, наследства нет. Обычная история. Или нет?

Она выпустила дым и посмотрела на письмо снова. Серебряные чернила чуть светились в полумраке. Красивые. Дорогие. Такие не купить в Эвенхолле.

«Аш-Тарин Башня Четырёх Ветров».

Если уехать — значит всё бросить. Комнату, работу у Орвина, эту серую жизнь, которая, по крайней мере, понятна и безопасна. Если остаться — значит навсегда гадать, что было в том конверте, и не значило ли что-то большее, чем просто слова. Впрочем, разве у нее был выбор?

Эльза затушила трубку, резко, с хрустом вдавив пепел в чашу. Поднялась. Подошла к окну.

Дождь всё моросил. Серый рассвет окончательно вступил в свои права. Где-то внизу, в Нижних Кварталах, снова закричал торговец рыбой. Решение зрело недолго. Оно, если честно, созрело в первую же секунду, как только она прочитала первую строчку. Просто нужно было время, чтобы признаться себе в этом.

Она уедет.

Она перечитала письмо в пятый раз, потом в шестой. Буквы не исчезали, не менялись, не складывались в шутку. Серебряные чернила всё так же мерцали, и от этого мерцания по коже бежали мурашки.

Нужно идти к Орвину, - произнесла Эльза.

Старый архивариус был единственным человеком в Эвенхолле, с которым Эльза разговаривала дольше двух минут. Конечно, «разговаривала» — громко сказано. Орвин больше кашлял, чем говорил, а если и открывал рот, то лишь затем, чтобы буркнуть: «Не трогай этот свиток» или «Принеси воды, девочка». Но он знал всё. Абсолютно всё, что хранилось в городском архиве, а это были сотни, тысячи документов — от налоговых ведомостей полувековой давности до трактатов по алхимии, запрещённых в трёх королевствах. Если кто и слышал о Башне Четырёх Ветров, то это Орвин.

Эльза накинула плащ, сунула трубку в карман и вышла. Дождь усилился — теперь он не моросил, а хлестал косыми струями, заливая мостовую и превращая пыль в жидкую грязь. Она почти бежала, перепрыгивая через лужи, придерживая капюшон. Улицы Нижних Кварталов были пусты — только бродячая собака метнулась в подворотню, да хлопнула где-то ставня, сорванная ветром.

Городской архив находился в Верхнем городе — не потому, что архивы были важны, а потому, что здание построили триста лет назад, когда Эвенхолл только начинался, и никто не думал, что через три века вокруг вырастет лабиринт из трущоб, рынков и лачуг. Это было приземистое каменное строение с узкими окнами-бойницами и тяжёлой дубовой дверью, обитой железом. Никакой вывески. Горожане и так знали, что туда лучше не соваться.

Эльза толкнула дверь. Внутри пахло, как всегда: пылью, старым пергаментом, плесенью и чем-то ещё — сладковатым, тревожным. Может быть, крысиным ядом. А может, самим временем.

Орвин сидел за своим столом в глубине зала, сгорбившись над каким-то манускриптом. Свет единственной масляной лампы падал на его лицо — морщинистое, с ввалившимися щеками и клочковатой седой бородой. Он не поднял головы, когда Эльза вошла, только кашлянул — привычно, надсадно, будто выталкивая из лёгких что-то лишнее.

— Закрой дверь. Сквозняк, - пробормотал Орвин.

Эльза послушалась. Дверь встала на место с тяжёлым стуком.

— Орвин, мне нужно спросить, - тихо произнесла Эльза.

Он поднял взгляд. Глаза у него были странные — слишком молодые для такого старого лица. Яркие, цепкие, с искоркой, которая не угасала даже в полумраке.

— Спрашивай, — сказал он и снова закашлялся.

Эльза подошла ближе, достала из-под плаща чёрный конверт и положила на стол поверх раскрытого манускрипта.

— Мне пришло это. Сегодня утром. Кто-то оставил на пороге.

Орвин посмотрел на конверт. Потом на Эльзу. Потом снова на конверт. Его лицо не изменилось — ни мускул не дрогнул. Но что-то произошло с его глазами. Искорка, всегда плясавшая в глубине зрачков, на мгновение погасла. Будто кто-то задул свечу.

— Ты читала? — спросил он тихо.

— Да.

— Покажи.

Она вытащила письмо и протянула ему. Орвин взял лист — осторожно, двумя пальцами, будто тот мог обжечь, — и пробежал глазами по строчкам. В тишине было слышно, как дождь

барабанит по крыше и как потрескивает фитиль в лампе. Потом он отложил письмо и посмотрел на Эльзу долгим, изучающим взглядом.

— Ты хочешь знать, правда ли это? - спросил Орвин.

— Я хочу знать, что такое Башня Четырёх Ветров. И кто мог написать мне это.

Орвин помолчал. Потом встал — медленно, тяжело, опираясь на край стола, — и подошёл к одному из стеллажей. Долго водил пальцем по корешкам, бормотал что-то себе под нос и наконец вытащил тонкую книгу в потрёпанном переплёте. Бросил её на стол перед Эльзой.

— Вот. Читай. Страница сорок третья.

Эльза открыла книгу. Страницы были жёлтыми, ломкими, чернила выцвели почти до нечитаемости. На сорок третьей значилось: *«Башня Четырёх Ветров, что в Аш-Тарине, суть древнейшее строение Южных земель. Воздвигнута в Эпоху Первых Королей, ещё до Раскола. По преданию, в ней обитают те, кто не принадлежит ни миру живых, ни миру мёртвых. Одни называют их магами, другие — стражами порога, третьи — Проклятыми, что не могут умереть. Смертным вход в Башню заказан, ибо тот, кто войдёт, оставляет за порогом свою судьбу и принимает иную. Какую — неведомо».*

Эльза перечитала абзац дважды.

— Это легенда? — спросила она.

— Всё в этом архиве — легенда, — ответил Орвин. Он снова сел, потёр виски. — И правда. Смотря кто читает.

— Ты веришь в это?

Старик долго смотрел на неё, и в его глазах было что-то, чего она не могла понять. Жалость? Страх? Или что-то ещё, глубокое, как вода в колодце.

— Я верю, — сказал он наконец, — что некоторые вещи лучше не знать. Особенно таким, как ты.

— Таким — «как я»?

Орвин не ответил. Вместо этого он снова зашёлся кашлем — долгим, мучительным, сотрясавшим всё его тело. Когда приступ прошёл, он вытер рот платком и сказал:

— Если ты поедешь в Аш-Тарин, тебе понадобятся деньги. И лошадь. И карта.

— Значит, ты не будешь отговаривать? - удивленно спросила Эльза.

— А разве это поможет?

Эльза покачала головой.

— Тогда слушай, — Орвин придвинулся ближе, и его голос упал до шёпота. — Дорога на юг сейчас опасна. Через горы идти нельзя — там снег, и не только снег. Есть другой путь: через Драконий Хребет, но там нужен проводник. В Эвенхолле таких нет. Зато в порту, говорят, стоит корабль до Валенсета. Оттуда по тракту — прямая дорога до Аш-Тарина. Лучше всего ехать морем: быстрее и безопаснее, чем через перевал.

Он замолчал, снова закашлялся, потом продолжил:

— Но, Эльза... — Он впервые назвал её по имени за всё время, что она на него работала. — Письмо на чёрной бумаге. Серебряная нить. Это знак Башни. А Башня не шутит. Никогда не шутила.

— Ты знаешь, кто мог его отправить?

Орвин отвёл глаза. И в этом движении было больше ответа, чем в любых словах.

— Я знаю только, что тот, кто его отправил, сделал это не случайно. Тебя ждали. Возможно, ждали очень давно.

Эльза сглотнула. В горле пересохло.

— Ты расскажешь мне? Всё, что знаешь?

— Нет, — отрезал Орвин. — Не сейчас. Сначала — доедь. Вернись живой. Тогда, может быть, расскажу.

Он поднялся, давая понять, что разговор окончен. Но у самой двери Эльза обернулась.

— Орвин... ты что-то знаешь о моей матери?

Старик замер. Спина его сгорбилась ещё сильнее, будто на плечи легла невидимая тяжесть.

— Я знаю, — сказал он тихо, почти неслышно, — что она умерла не от родов.

И прежде чем Эльза успела спросить ещё хоть что-то, он задул лампу, и архив погрузился во тьму.

На следующее утро Эльза стояла в порту Эвенхолла. Дождь наконец прекратился, но небо всё ещё серое, тяжёлое. У неё за плечами — дорожный мешок, собранный на скорую руку. В кармане — почти все её сбережения и чёрное письмо. Орвин также дал ей карту и рекомендательное письмо к одному человеку в Аш-Тарине.

Порт Эвенхолла встретил её запахом соли, гниющих водорослей и смолы. После вчерашнего дождя деревянные причалы размокли, скользили под ногами, и Эльза шла осторожно, придерживая дорожный мешок. Море было серым, беспокойным, с белыми барашками волн у самого горизонта. Чайки орали истошно, бросаясь друг на друга из-за рыбных потрохов, которые сбрасывали с рыбацких лодок.

Вдоль причалов покачивались корабли — десятка полтора, от утлых рыбацких посудин до двух внушительных торговых судов, что стояли в дальнем конце. К одному из них, «Серебряной чайке», и лежал путь Эльзы.

Она заметила его сразу: добротный, хоть и потрёпанный, с облупившейся краской на носу и потускневшей фигурой чайки, что крепилась под бушпритом. Мачты скрипели, снасти хлопали на ветру, матросы таскали тюки и бочки по сходням. Пахло от корабля солью, мокрым деревом и — почему-то — жжёным сахаром.

У трапа стоял человек. Огромный, круглый, с багровым лицом и седыми бакенбардами. Живот выпирал из-под расстёгнутого камзола, на шее болтался медный компас на цепочке, а в руке дымилась трубка — почти такая же простая, как у самой Эльзы. Он заметил её издали, прищурился и широко улыбнулся, показав щербатые зубы.

— Пассажир? — гаркнул он голосом, способным перекрыть любой шторм. — Или просто поглазеть?

— Пассажир, — сказала Эльза. — Мне до Валенсета.

— Десять дней пути, хороший ветер — восемь. Двадцать серебряных монет Эрдайнской чеканки. Еда включена, выпивка отдельно. Идёт?

Эльза кивнула, отсчитывая монеты. Капитан ссыпал их в карман, не пересчитывая, и протянул ей широкую ладонь.

— Капитан Варрен, — представился он. — Можно просто Варрен. Команда зовёт Толстяком, но ты так не зови, я обидчивый. Добро пожаловать на «Серебряную чайку».

Она пожала ему руку — ладонь у капитана была тёплой, шершавой и пахла табаком и ромом. Странно, но от этого простого прикосновения Эльзе стало чуть спокойнее. Может, потому, что капитан Варрен казался живым — по-настоящему живым, не чета мрачным улицам Эвенхолла.

— Каюта одна, — говорил он, ведя её по палубе. — Маленькая, но чистая. Матросов не бойся, они у меня смирные. Если кто обидит — скажи мне, я его за борт выкину. Вот здесь галюн. Вот здесь камбуз. Ужин в восемь склянок.

Эльза оглядывалась. Команда и правда была разношёрстной: молодой парень с татуировкой дракона на шее, старый боцман с деревянной ногой, близнецы лет пятнадцати, которые таранились на неё с открытыми ртами, и женщина — крепкая, жилистая, с выдубленным ветром лицом, — которая единственная не обратила на Эльзу никакого внимания. Каюта оказалась крохотной каморкой под капитанским мостиком, но в ней были койка, стол, табурет и даже иллюминатор. Эльза бросила мешок на койку, села и впервые за утро выдохнула.

«Серебряная чайка» отплывала через час, с полуденным отливом. Капитан Варрен, стоя на мостике, орал команды, матросы тянули канаты, паруса с хлопками наполнялись ветром. Эвенхолл медленно уходил назад — серый, съжившийся, похожий на мокрую крысу, притаившуюся между скал.

Эльза стояла на корме и смотрела, как город становится меньше и меньше. Сердце стучало ровно, спокойно. Она не оглядывалась, пока от горизонта не осталась только узкая полоска земли, которую через час и вовсе поглотило море.

К вечеру, когда по склянкам пробило восемь и команда собралась ужинать, Эльза поднялась на палубу. Погода портилась: небо затянуло тучами, ветер крепчал, волны били в борт всё настойчивее. Матросы перекрикивались тревожно, и даже капитан Варрен перестал улыбаться.

— Шторм идёт, — сказал он, поравнявшись с Эльзой. — Ничего страшного, «Чайка» и не такое видала. Но ты, девочка, иди-ка в каюту. Если начнёт болтать — не высывайся.

Эльза кивнула и уже направилась вниз, когда краем глаза заметила что-то странное.

Далеко за кормой, почти у самого горизонта, мелькнул силуэт. Корабль. Трёхмачтовый, с чёрными парусами.

— Капитан? — Эльза тронула Варрена за рукав. — Что это за судно?

Варрен обернулся. Прищурился, вглядываясь в сгущающиеся сумерки.

— Где? А, это... — он замолчал. Лицо его изменилось — улыбка сползла, брови сошлись на переносице. — Чтоб меня...

— Что?

— «Ночной странник», — сказал он тихо, почти шёпотом. — Пиратская посудина. Месяц назад её видели у берегов Иллирии, потом — в проливе Двух маяков. С тех пор о ней ходят дурные слухи. Говорят, капитан у них не просто головорез, а кое-кто похуже.

— Почему похуже?

Варрен посмотрел на неё — и в его глазах Эльза увидела то же выражение, какое было у Орвина вчера, в архиве.

— Потому что на этом корабле, девочка, плавают не за золотом. А за кое-чем другим. — Он не успел договорить. Боцман закричал с носа, и почти в тот же миг налетел шторм.

Он обрушился внезапно, словно небо разорвали надвое. Дождь хлынул стеной, волны вздыбились выше мачт, ветер выл и рвал паруса. «Серебряную чайку» швыряло, как щепку. Эльзу сбило с ног и протащило по палубе, прежде чем она успела ухватиться за канат. Вокруг кричали, бегали, тянули снасти. Капитан Варрен стоял у штурвала и орал команды, но ветер заглушал слова.

А потом из пелены дождя и брызг вынырнул он.

«Ночной странник» шёл наперерез, рассекая волны, словно не чувствуя шторма. Его чёрные паруса были полны ветра, хотя ветер дул совсем в другую сторону. На палубе, едва различимые в потоках воды, стояли люди — слишком спокойные, слишком неподвижные для такого шторма.

Эльза вцепилась в канат и смотрела, не в силах отвести взгляд. Пиратский корабль приближался. Медленно, неумолимо, как хищник, уверенный в своей добыче.

С «Ночного странника» полетели абордажные крючья. Один впился в борт «Серебряной чайки» с мерзким треском, за ним — второй, третий. Матросы Варрена похватили сабли, боцман взвёл арбалет, но силы были явно неравны — пиратов было вдвое больше, и двигались они странно: синхронно, молча, без единого крика.

Капитан «Ночного странника» перешагнул через борт первым. Высокий, в длинном тёмном плаще, насквозь мокрым, но не терявшем чёткости очертаний. Капюшон скрывал лицо, и видна была только нижняя половина: жёсткая линия подбородка, губы, сжатые в тонкую нить. Он ступил на палубу «Чайки», и доски под его сапогами будто потемнели.

— Сопротивляться не советую, — произнёс он негромко, но голос перекрыл шум шторма.

Варрен шагнул вперёд, держа в руке кортик.

— Ты кто такой, чтоб мне советы давать? Моя посудина — мои правила!

Капитан «Странника» чуть склонил голову. Из-под капюшона блеснули глаза — Эльзе показалось, что на мгновение она увидела их цвет. Очень тёмные. Почти чёрные. Но не злые — скорее уставшие.

— Твои правила закончились, — сказал он. — Мы ищем пассажира.

Эльза замерла. Сердце пропустило удар.

Капитан Варрен выругался, но прежде чем он успел что-то сделать, один из пиратов — быстрый, как тень, — выбил кортик из его руки и приставил клинок к горлу.

— Стоять! — рявкнул пират.

Тишина. Только шторм выл за бортом. Капитан «Ночного странника» обвёл палубу взглядом и остановился. Прямо на Эльзе.

— Вот ты где, — сказал он тихо. — Рыжая.

Эльза почувствовала, как кровь отхлынула от лица. Она хотела ответить, но голос пропал.

Человек в капюшоне шагнул к ней — медленно, не угрожающе, скорее изучающе. Остановился в двух шагах. Протянул руку, но не чтобы схватить, а жестом, похожим на приглашение — или предупреждение.

— Слушай меня внимательно, — сказал он. — Ты идёшь не туда. И ты не знаешь, кто за тобой охотится. Я могу помочь. Или могу уйти. Решай.

Она стояла под ледяным дождём, мокрая до нитки, и смотрела в тёмные глаза человека, который только что взял на бордаж торговое судно. Страх скручивал внутренности в тугой узел, но где-то под страхом, глубже, росло другое чувство — упрямство. То самое, которое заставляло её читать «Трактат о ядах» вместо того, чтобы спать, и курить трубку, когда весь мир говорил: «Нельзя».

Она выпрямилась.

— Отпусти экипаж. Тогда поговорим.

Капитан пиратов замер. На мгновение ей показалось, что под капюшоном дрогнули уголки губ — то ли усмешка, то ли удивление. Он чуть склонил голову, рассматривая её так, как рассматривают диковинного зверька.

— Ты ставишь условия? — в его голосе прозвучало что-то новое, почти любопытство. — На борту корабля, который я только что захватил. С экипажем, который я могу вырезать за пять минут. Ты, мокрая девчонка, ставишь мне условия?

— Я сказала: отпусти экипаж. Тогда поговорим.

Он шагнул ближе. Дождь стекал по его плащу, капли разбивались о плечи, но капюшон по-прежнему скрывал верхнюю половину лица. Эльза видела только подбородок, губы и тень, падавшую на глаза.

— А если я скажу «нет»?

— Тогда я не скажу тебе ничего, — ответила она. — Можешь убить меня прямо здесь. Я всё равно не умею плавать, так что долго не продержусь.

Варрен за её спиной хрипло выругался:

— Эльза, не надо...

— Молчать! — рявкнул пират, державший капитана. Клинок сильнее прижался к горлу Варрена, и тот замолчал.

Капитан с пепельными волосами — теперь Эльза заметила, что из-под капюшона выбиваются именно пепельные пряди, светлые, почти седые, но не от старости, — смотрел на неё долго. Целую вечность. Шторм ревел за бортом, снасти хлопали, волны били в корпус, а он всё стоял и смотрел, будто решал какую-то сложную задачу. Потом он повернулся к своему экипажу и бросил:

— Отпустить.

— Капитан? — переспросил один из пиратов.

— Я сказал — отпустить. Убрать клинки.

Пираты повиновались. Человек, державший Варрена, отступил, убирая саблю в ножны. Толстяк-капитан схватился за горло, кашляя и хватая ртом воздух.

— Все на борт «Странника», — приказал пепельный капитан. — Девушка идёт со мной. Остальных не трогать.

— Но капитан Алан... — начал кто-то.

— Я сказал — не трогать.

Пираты начали отступать к борту, перебираясь по абордажным крючьям обратно на свой корабль. Эльза выдохнула — она и не заметила, что всё это время не дышала.

Алан — теперь у него было имя — шагнул к ней и остановился.

— Твоё условие выполнено, — сказал он. — Теперь ты идёшь со мной.

— Я не...

Договорить она не успела. Страшный треск расколол воздух. Одна из мачт «Серебряной чайки», подрубленная штормом и ослабленная абордажными крючьями, надломилась у основания и с чудовищным грохотом рухнула на палубу. Прямо туда, где стояла Эльза.

Она не успела отскочить. Масса дерева, парусины и снастей обрушилась вниз, задев её плечо и отшвырнув к борту. Удар был такой силы, что Эльзу подбросило в воздух. На мгновение она увидела чёрное небо, белую пену волн и лицо Алана, искажённое — гневом? страхом? — а потом ледяная вода сомкнулась над головой. Море приняло её.

Она ушла под воду сразу, глубоко, как камень. В ушах зашумело, перед глазами завертелась тьма, пронизанная пузырьками воздуха. Эльза попыталась закричать, но в рот хлынула солёная вода. Она забила руками, ногами — бесполезно, бестолково. Она действительно не умела плавать. Никогда не училась. Вода тянула вниз, в чёрную бездну, и не было ни дна, ни верха — только холод, ледяной, пронизывающий до костей.

Вот так всё и закончится, — подумала она отстранённо, словно со стороны. Письмо, Башня, тайна матери — всё зря. Я утону в десяти шагах от корабля, как последняя дура.

Вода давила на грудь. Лёгкие горели. Перед глазами поплыли цветные круги. На мгновение ей показалось, что она увидела свою мать, с такими же длинными рыжими волосами и голубыми глазами. Она тянула ей руку, но до коснуться не смогла.

А потом что-то схватило её за плащ и рвануло вверх. Эльза вылетела на поверхность, кашляя и задыхаясь. Вода текла изо рта, из носа, из ушей. Кто-то держал её крепко, стальной хваткой, и тащил сквозь волны. Она попыталась повернуть голову и увидела его. Мокрые волосы, облепившие лицо, и тёмные глаза — она видела их ясно, без капюшона. Почти чёрные. Глубокие. Горящие холодной, сдержанной яростью. — Не дёргайся, — прорычал Алан. — Или утоплю обратно.

Она затихла.

Он плыл мощно, уверенно, рассекая волны, словно родился в море. Через минуту, показавшуюся вечностью, их втащили на борт «Ночного странника». Чьи-то руки подхватили Эльзу, уложили на мокрые доски палубы. Она лежала, хватая ртом воздух, и смотрела в чёрное небо, по которому неслись рваные тучи. Рядом тяжело дышал Алан. Капюшон с него сбило, и теперь Эльза впервые видела его лицо полностью.

Рядом тяжело дышал Алан. Капюшон с него сбило, и теперь Эльза впервые видела его лицо полностью.

Пепельные волосы, мокрые, прилипшие ко лбу и вискам. Твёрдые черты, будто вырезанные из камня: широкие скулы, прямой нос, тяжёлый подбородок. И глаза — очень тёмные, почти чёрные, но не пустые, а полные чего-то сдерживаемого, как пламя за заслонкой. Он был красив. Но красотой опасной, хищной. От него веяло холодом, даже сейчас, когда он стоял на коленях, мокрый до нитки, и хватал ртом воздух.

— Ты... — прохрипела Эльза, — зачем ты...

Он повернул голову и посмотрел на неё. В его взгляде не было ни капли тепла.

— Потому что ты нужна мне живой, — отрезал он. — К сожалению.

Капитан поднялся, отряхнул плащ и отвернулся, отдавая приказы команде. Паруса «Ночного странника» наполнились ветром, и корабль стал разворачиваться, уходя прочь от тонущей «Серебряной чайки».

Эльза приподнялась на локтях и посмотрела назад.

«Чайка» погружалась. Мачты завалились набок, корпус трещал, и чёрная вода заливала палубу. Она увидела, как капитан Варрен и его команда спускают шлюпки — они спасутся, они успеют. Судно погибнет, но люди выживут. Сердце сжалось.

Первый корабль в её жизни — и первый, который пошёл ко дну.

Эльза снова легла на спину и закрыла глаза. Дождь падал на лицо, смывая соль. Где-то над ней скрипели снасти и звучали грубые голоса матросов. А потом раздались шаги, и знакомый холодный голос произнёс:

— Поднимите её. И запирайте в моей каюте.

— В вашей, капитан? — переспросил кто-то удивлённо.

— Я сказал — в моей. Пока я не решу, что с ней делать.

Эльза открыла глаза и встретила с ним взглядом.

— Ты пожалеешь, — прошептала она.

Алан наклонился ниже. Теперь его лицо было совсем близко — она видела каждую каплю на его ресницах, каждую морщинку в уголках тёмных глаз.

— Возможно, — сказал он тихо, почти ласково, и от этого шёпота у Эльзы мороз пробежал по коже. — Но ты тоже. Добро пожаловать на борт, рыжая.

Он выпрямился и ушёл, а двое матросов подхватили её под руки и потащили вниз.

Глава 2

Дверь закрылась с глухим стуком. Лязгнул засов — тяжело, основательно, словно запирали не деревянную створку, а ворота крепости. Эльза осталась одна.

Она постояла минуту, прислушиваясь. Шаги удалялись. Потом тишина, только море шумело за бортом да поскрипывали переборки. Шторм утихал — качка становилась мерной, убаюкивающей. Эльза сбросила мокрый плащ на пол и огляделась.

Каюта капитана Алана оказалась неожиданной. Она ожидала увидеть что-то мрачное, под стать хозяину: голые стены, оружие на крюках, может быть, череп какой-нибудь для антуража. Но вместо этого — дубовый стол с аккуратно разложенными бумагами, книжный шкаф у стены, койка, застеленная чистым, почти хрустящим бельём. На столе — масляная лампа под стеклянным колпаком, серебряная чернильница и стопка карт. У иллюминатора — закреплённый на цепочке компас. В углу — сундук, окованный железом, с массивным замком.

Эльза принялась. Пахло деревом, солью и чем-то ещё — едва уловимым, пряным. Не духи, скорее сушёные травы или специи. И трубкой. Да, определённо трубкой — она узнала этот запах, он был почти родным.

- Итак, Капитан Алан курит трубку. Уже кое-что, - произнесла Эльза.

Она подошла к столу. Бумаги лежали в относительном порядке: морские карты с пометками, лоции, пара писем на незнакомом языке. Эльза взяла верхний лист, поднесла ближе к лампе. Почерк тот же, что и в её письме? Нет, совсем другой. Этот был торопливым, угловатым, с резкими росчерками. Мужским. Военным, может быть.

Она положила лист на место и перевела взгляд на книжный шкаф. Вот где стоило искать.

Книг было немного, но каждая — как ключ к человеку, который их читал. Эльза провела пальцем по корешкам: «История морских войн Эрдайнского королевства», «Трактат о навигации в штормовых широтах», «Атлас Южных морей», «Мифы и легенды Аш-Тарина»... Она замерла на последней.

Аш-Тарин...

Она вытащила книгу. Старая, в тёмно-синем переплёте, с выцветшим золотым тиснением. Страницы зачитаны, на полях — пометки карандашом. Тем же угловатым почерком.

Эльза пролистала оглавление: «О древних народах Юга», «Храмы и святилища», «Башня Четырёх Ветров — правда или вымысел?»

Сердце ёкнуло. Она открыла нужную страницу.

«Башня Четырёх Ветров, согласно преданиям, была воздвигнута в Эпоху Первых Королей как место, где пересекаются пути живых и мёртвых. Иные источники утверждают, что Башня служит тюрьмой для тех, кто осмелился бросить вызов богам. Третьи — что в ней обитают Проклятые, обречённые на вечную жизнь...»

На полях, рядом с этим абзацем, была пометка: «Не тюрьма. Врата. И они скоро откроются».

Эльза перечитала трижды. Почерк Алана — теперь она почти не сомневалась, что это его рука. Что значит «скоро откроются»? И какое отношение к этому имеет она?

Она хотела пролистать дальше, но взгляд упал на обложку. Внутренняя сторона была надорвана, и из-под неё выглядывал краешек сложенной бумаги. Эльза осторожно вытащила её. Письмо. Чёрная бумага. Серебряная нить — такая же, как на её собственном письме.

Она развернула его дрожащими пальцами. Серебряные чернила мерцали в свете лампы:

«Алан из дома Вэллоров. Ты потерял всё, что любил. Ты ищешь смерти, но не находишь. Ты бороздишь моря, потому что суша жжёт тебе ноги. В Аш-Тарине, в Башне Четырёх Ветров, ты найдёшь ответ. Но не один. Ты должен найти Рыжую Девушку с огнём в крови и привести

её с собой. Она — ключ. Без неё Врата не откроются. Без неё ты не получишь то, чего желаешь больше всего. Найди её. Приведи. И, может быть, ты наконец умрёшь.

Тот, кто знает тебя дольше, чем ты сам».

У Эльзы перехватило дыхание. Так вот в чём дело. Вот почему он взял «Серебряную чайку» на бордаж. Вот почему искал именно её. Она — ключ. Разменная монета. Инструмент, с помощью которого он получит... что? Смерть? Он хочет умереть?

Она перечитала письмо снова. «Ты потерял всё, что любил». «Ты ищешь смерти, но не находишь». И эта строчка — «ты наконец умрёшь» — написанная как обещание награды. Кто он такой, этот Алан из дома Вэллоров? Что он потерял? И почему не может умереть?

Эльза аккуратно сложила письмо и спрятала обратно в книгу, а книгу — на место. В висках стучало. Значит, у них обоих письма от одного отправителя. Обоих зовут в Башню. Но её — как гостью. А его — как конвоира.

Она подошла к сундуку. Замок висел массивный, но, приглядевшись, Эльза заметила, что он не защёлкнул до конца — видимо, Алан закрывал его второпях. Она осторожно приподняла крышку. Внутри лежало: пара пистолетов, кинжал с тёмной рукоятью, старая сабля, свёрток с одеждой, мешочек с монетами и маленький бархатный футляр.

Эльза достала футляр и открыла. Внутри лежал медальон. Женский. Золотой, с выгравированным гербом — три звезды над скрещёнными мечами, — и маленьким портретом внутри. С портрета на неё смотрела женщина с тёмными волосами и тихой, грустной улыбкой. Не красавица, но в чертах лица было что-то притягательное — мягкость, тепло.

Жена? Невеста? Сестра?

Эльза закрыла медальон и убрала обратно. Это уже слишком личное. И слишком болезненное, судя по тому, как бережно он хранил эту вещь.

Она села на койку и обхватила колени руками. В голове роились мысли. Алан из дома Вэллоров. Человек, который хочет умереть. Который потерял всё. Который курит трубку, читает книги о Башне и носит в сундуке женский медальон. Который спас ей жизнь — но не из жалости, а потому что она «нужна ему живой».

Она — ключ. Инструмент.

Что ж. По крайней мере, теперь она знает. А знание — это оружие.

Эльза подняла с пола мокрый плащ, встряхнула его и повесила на крючок у двери. Потом взяла с капитанского стола трубку — чужую, но она не сомневалась, что Алан не обеднеет, — набила остатками табака из своего кармана и зажгла от лампы.

Дым заполнил каюту. Синеватый, горьковатый, почти такой же, как дома. Она затаилась и выпустила дым через нос.

Хочет её использовать — пусть. Но она не станет пешкой в чужой игре. Она узнает, что такое Башня Четырёх Ветров. Узнает, кто отправил письма. Узнает, что случилось с её матерью. И никто — ни капитан Алан, ни сам Тот-Кто-Знает-Её-Дольше — её не остановить.

Утро. Шторм окончательно стих, сквозь иллюминатор пробивается бледный свет. Эльза просыпается от звука открываемого засова. Дверь распахивается, и на пороге стоит Алан. Он уже без плаща: простая белая рубашка с закатанными рукавами, открывающая жилистые руки, волосы собраны в низкий хвост. Он смотрит на неё холодно, оценивающе.

— Встать, — говорит он приказным тоном. — Поговорим.

Эльза садится на койке и понимает, что он заметил сдвинутую книгу на полке. Или трубку, которой она пользовалась ночью. Или и то, и другое. Он ничего не говорит, но в его глазах мелькает что-то — раздражение? интерес? — и тут же исчезает.

Она медленно поднялась, разминая затёкшие плечи. Солнечный свет из иллюминатора падал на пол косым бледным прямоугольником — после вчерашнего шторма это казалось почти насмешкой. Она поправила рубашку, провела ладонью по спутанным рыжим волосам и опустила глаза.

— Как скажете, капитан.

Алан замер на мгновение. Он ожидал чего-то другого — возражений, дерзости, яда в ответ. Не этого. Его тёмные глаза сузились, но он ничего не сказал, только развернулся и пошёл по коридору, бросив через плечо:

— За мной.

Эльза пошла. Корабль внутри был лабиринтом из узких проходов, крутых лестниц и низких балок, о которые то и дело приходилось пригибаться. Пахло смолой, солью и чем-то кисловатым — может быть, ромом, может быть, трюмной водой. Эльза запоминала повороты: налево, потом вверх по трапу, потом снова налево. Три шага до развилки, у бочки с канатами — направо.

Алан шагал впереди, и она впервые смогла рассмотреть его при дневном свете. Высокий — выше, чем показалось ночью, — с широкими плечами и узкими бёдрами, он двигался с той особой, скупой грацией, какая бывает у людей, привыкших к опасности. Пепельные волосы, схваченные в низкий хвост, были влажными после умывания. Рубашка на спине чуть натягивалась при каждом движении, обрисовывая мышцы. Он не оборачивался.

Они поднялись на палубу. Утреннее море было спокойным — почти неестественно спокойным после вчерашнего ада. Солнце поднималось над горизонтом, золотя воду. Паруса «Ночного странника», чёрные, как смоль, хлопали на слабом ветру. Команда уже работала: матросы драили палубу, тянули снасти, перекликались вполголоса. Никто не смотрел на Эльзу — точнее, все старательно делали вид, что не смотрят.

Алан остановился у грот-мачты и повернулся к ней.

— Садись. — Он указал на перевёрнутую бочку.

Эльза села, сложив руки на коленях, как примерная ученица. Она всё ещё не поднимала глаз — вернее, поднимала ровно настолько, чтобы видеть его лицо, но не встречаться взглядом. Покорная. Тихая. Безопасная.

— Итак, — начал он, скрестив руки на груди. — Ты знаешь, почему ты здесь?

— Вы получили письмо, — сказала она тихо, без вопроса. — Такое же, как я. Вас послали найти меня и отвезти в Башню.

Она увидела, как дрогнула жилка у него на шее. Быстро, почти незаметно. Но она заметила.

— Откуда ты знаешь про письмо? — спросил он.

— Я видела ваше, — ответила она всё так же ровно. — В каюте. Книга об Аш-Тарине, синий переплёт. Письмо было внутри.

Алан молчал. Она рискнула поднять глаза чуть выше. Его лицо застыло — ни гнева, ни удивления, только холодная, опасная неподвижность. Так замирает хищник перед броском.

— Ты рылась в моих вещах? — Его голос стал ниже.

— Меня заперли в комнате, полной чужих вещей, — сказала она, снова опуская взгляд. — Я не знала, кто вы. Я боялась.

Она произнесла это просто, без вызова, но и без заискивания. Чистая правда — просто не вся. Алан смотрел на неё несколько долгих секунд. Потом вдруг коротко, безрадостно усмехнулся.

— Боялась, — повторил он. — А сама тем временем обыскала мой стол, книжный шкаф и, подозреваю, сундук. И теперь сидишь тут с видом монашки и говоришь мне, что боялась.

— Это правда.

— Не сомневаюсь. — Он покачал головой. — Ты опаснее, чем кажешься, рыжая.

Эльза промолчала. Пусть думает, что она просто любопытная дурочка. Пусть недооценивает.

— Раз ты такая сообразительная, — продолжил он, — то, может быть, расскажешь мне, что ещё ты узнала?

— Только то, что вы хотите умереть.

Тишина на палубе стала вдруг очень громкой. Даже матросы, кажется, замерли. Алан не двигался. Лицо его было по-прежнему бесстрастным, но глаза... В них промелькнуло что-то, от чего у Эльзы похолодело в животе. Не ярость. Хуже. Боль.

— Смерть — это награда, — сказал он наконец. — Не наказание.

— Для вас?

— Для меня.

Он отвернулся и прошёлся по палубе, остановился у борта, глядя на море. Эльза видела его профиль — жёсткий, острый, как лезвие ножа, который она нашла в сундуке.

— Ты пойдёшь в Башню, — сказал он, не оборачиваясь. — Со мной. Добровольно или нет — решать тебе, но добровольно будет проще.

— А если я откажусь?

— Тогда я свяжу тебя и отвезу силой. Ты нужна мне.

— Как ключ..

Он повернул голову.

— Именно. Как ключ. Ты — средство, не цель. Запомни это.

— Я запомню, — сказала она тихо.

Запомню... — повторила она про себя. И когда придёт время, напомню тебе эти слова.

Алан отошёл от борта и направился к капитанскому мостику. Разговор был окончен.

— Будешь работать, — бросил он через плечо. — Камбуз, уборка, починка парусов. Нахлебников я не держу.

— Да, капитан, — ответила Эльза.

Он замер на полпути. Что-то в её тоне заставило его обернуться. Она сидела всё так же смирно, но уголки её губ дрогнули — на долю секунды, почти незаметно. Алан нахмурился, но ничего не сказал и пошёл дальше.

День прошёл в работе. Эльзу определили помогать на камбузе — чистить картошку, мыть котлы, таскать воду. Работа была грязная, тяжёлая, и к вечеру у неё ныли руки и спина. Но это было даже кстати: физическая усталость притупляла мысли. Она слушала, смотрела, училась.

Кок, пожилой мужчина по имени Гарт, оказался на удивление разговорчивым. Он был единственным, кто обращался к ней не как к пленнице, а просто как к человеку.

— Не смотри на него так, — сказал он, когда Эльза в очередной раз бросила взгляд в сторону капитанского мостика, где стоял Алан.

— Как? — уточнила она.

— Как на врага. Капитан Алан... он не такой, каким хочет казаться.

— Он хочет казаться чудовищем, — подметила Эльза, очищая картофелину.

— Именно, — помешивая в котле похлебку, произнес Гарт. — Хочет казаться. А ты не поддавайся.

— Почему вы мне это говорите?

Гарт пожал плечами.

— Потому что ты первая женщина на этом корабле за пять лет. И первая, кому он отдал свою каюту.

Эльза хотела ответить, что это не жест доброй воли, а способ запереть её подальше, но промолчала. Вместо этого она спросила:

— Что он потерял? То, из-за чего хочет умереть?

Гарт перестал мешать. Долго смотрел в котёл.

— Всё, — сказал он наконец. — Он потерял всё. И если ты думаешь, что знаешь, что такое боль, — ты ошибаешься. Такую боль ты даже представить не можешь.

Он больше не говорил. Эльза и не спрашивала.

К вечеру, когда солнце село в море, окрасив воду в кроваво-красный, Алан снова появился на палубе. Он подошёл к ней, сидевшей у борта с трубкой в зубах, и протянул руку.

— Отдай.

— Что?

— Трубку. Ты взяла мой табак ночью. Я знаю.

Эльза медленно выдохнула дым и подняла на него глаза. Впервые за день — прямо, не отводя взгляда.

— Вы могли бы просто попросить, — сказала она.

— Я не прошу. Я забираю.

Она пожала плечами и протянула ему трубку. Их пальцы встретились — и оба замерли. Прикосновение было коротким, почти случайным, но Эльза почувствовала, как по руке пробежал странный разряд. Не тепло — искра. Колючая, острая, как статическое электричество перед грозой.

Алан, кажется, почувствовал то же самое, потому что отдёргнул руку быстрее, чем следовало.

— В следующий раз спрашивай разрешения, — сказал он резко.

— А вы? — спросила она тихо. — Вы спросили у меня разрешения, когда везли через полмира как чей-то ключ?

Он не ответил. Развернулся и ушёл.

Эльза осталась сидеть у борта, глядя на закат. Воздух пах солью и табаком. Где-то далеко, за горизонтом, лежал Аш-Тарин, Башня Четырёх Ветров и ответы на вопросы, которых она ещё даже не задала, а за спиной, в капитанской каюте, сидел человек, который её ненавидел. Или хотел ненавидеть. Или пытался убедить себя в том, что ненавидит.

«Он не такой, каким хочет казаться», — сказал Гарт.

Что ж. Посмотрим.

«Ночной странник» держит курс на юг уже несколько дней. Эльза продолжает работать на камбузе, спит в капитанской каюте, а Алан переселился в каморку рядом. Между ними устанавливается зыбкое, хрупкое перемирие. Они почти не разговаривают, но иногда их взгляды встречаются. Каждый раз — короткая вспышка. Каждый раз — оба отводят глаза быстрее, чем нужно.

Ночь на корабле была тихой — той особой, глубокой тишиной, какая бывает только в открытом море, когда даже ветер засыпает. Эльза лежала в капитанской каюте, но сон не шёл. Она смотрела в тёмный потолок, слушала мерный скрип переборки и думала об Алане. О его письме. О женщине в медальоне. О том, как он отдернул руку, когда их пальцы соприкоснулись.

Что-то не складывалось. Человек, который хочет умереть, не отдёргивает руку от случайного прикосновения. Не смотрит с такой затаённой, загнанной вглубь болью. Не хранит женский портрет в окованном сундуке.

Она перевернулась на бок и уже почти задремала, когда услышала это.

Звук. Не стон — скорее сдавленный вскрик, приглушённый деревянной переборкой. Так кричат, когда не хотят, чтобы кто-то услышал. Так кричат во сне.

Эльза села на койке. Сердце заколотилось. Она прислушалась. Тишина. Потом снова — глухой удар, будто что-то упало. И голос. Приглушённый, хриплый. Алан.

Она поднялась. Босиком, стараясь не скрипеть половицами, подошла к двери и выглянула в коридор. Темно, только тусклый свет масляной лампы на переборке. Каюта Алана — соседняя дверь, которую она каждый день проходила мимо, — была приоткрыта.

Эльза знала, что не должна. Знала, что это чужое, личное, запретное. Но ноги сами несли её вперёд.

Она заглянула в щель. В каюте горела одинокая свеча у койки. Алан лежал, запутавшись в простынях, — без рубашки, с блестящей от пота кожей, с искажённым лицом. Он спал, но это был не отдых. Его пальцы судорожно сжимали край матраса, дыхание было частым, рваным, а губы шевелились беззвучно, будто он говорил с кем-то невидимым.

Эльза затаила дыхание.

— Нет, — прошептал он вдруг. — Не её. Пожалуйста... не её.

Она замерла. Голос Алана изменился: в нём не было обычного холода. Только отчаяние. Мольба.

— Лианна... — выдохнул он. — Не уходи. Я вернусь. Я обещал. Я всегда возвращаюсь.

Лианна. Имя упало в тишину, как камень в воду. Эльза стояла не шевелясь. Она не знала, кто такая Лианна, но по тому, как он произнёс это имя — с болью, с любовью, с тоской такой силы, что перехватывало горло, — она поняла. Это та женщина. С портрета. Та, которую он потерял.

— Не трогайте её! — вскрикнул он вдруг так громко, что Эльза вздрогнула. — Я убью вас! Я всех вас убью!

Он метался по койке, сражаясь с невидимыми врагами, и лицо его было лицом не капитана-пирата, а человека, который однажды потерял всё и с тех пор не переставал терять.

Эльза попятилась. Она не должна была это видеть. Это было слишком обнажённо, слишком незащищено — и от этого невыносимо. Она уже повернулась, чтобы уйти, когда услышала последние слова. Тихие. Сломленные.

— Я не смог. Прости. Прости, я не смог вас спасти.

Она закрыла глаза. Прислонилась спиной к холодной переборке. Сердце колотилось где-то у горла, и в нём смешались жалость, страх и что-то ещё — странное, тянущее, чему она пока не хотела давать имя.

Вот он какой, капитан Алан. Не чудовище. Человек, которого сломали. Который носит внутри боль, не уступающую её собственной.

Эльза на цыпочках вернулась в каюту. Закрывает дверь. Села на койку и долго смотрела в темноту перед собой. Лианна. Он сказал «не её». И «я не смог вас спасти». Значит, их было несколько. И он не смог. И теперь хочет умереть, потому что жить с этим — пытка.

Она легла, но сон не шёл ещё долго.

Утром Эльза проснулась с тяжёлой головой и странным чувством внутри — как будто она несла чужую тайну и не знала, что с ней делать. Она умылась ледяной водой из таза, оделась и вышла на палубу.

Алан уже стоял у штурвала. Свежий, собранный, холодный — ничего общего с тем человеком, который несколько часов назад метался в кошмарах и звал женщину по имени. Завидев Эльзу, он кивнул коротко и отвернулся.

Она подошла к Гарту на камбуз. Старый кок уже возился с котлами, напевая что-то под нос.

— Гарт, — сказала она, беря нож и картофелину, — могу я спросить кое-что?

— Спрашивай, девочка.

— Кто такая Лианна?

Нож в руке Гарта замер. Тишина длилась долго. Потом он медленно отложил нож, вытер руки о передник и посмотрел на неё — не сердито, но насторожённо.

— Где ты слышала это имя?

Эльза колебалась.

— Он говорил во сне. Сегодня ночью.

Гарт вздохнул тяжело, будто сбрасывая с плеч невидимый груз.

— Если капитан узнает, что ты слышала... — начал он.

— Я не скажу.

Старик долго смотрел на неё. Потом кивнул — скорее себе, чем ей.

— Лианна была его женой. А ещё у него была дочь - Мира. Четыре года.

У Эльзы похолодело внутри. Дочь. У него была дочь. Маленькая девочка, которую он не смог спасти.

— Что случилось? — спросила она тихо.

— Этого я тебе не расскажу, — отрезал Гарт. — Не моя тайна. Скажу только: их убили. И капитан Алан с тех пор ищет смерти. Не может найти. Говорит — проклят.

— Почему проклят?

— Потому что должен был умереть вместе с ними. И не умер. А теперь не может. Пробовал — не получается.

Эльза опустила нож. Руки дрожали.

— Поэтому он везёт меня в Башню, — проговорила она. — Чтобы снять проклятие. Чтобы наконец умереть.

— Да, — сказал Гарт. — И да простит нас всех Тот-Кто-Знает, если мы делаем что-то неправильно.

Больше они не говорили. День прошёл как обычно: работа, море, ветер. Но Эльза смотрела на Алана иначе. Она видела теперь не холодного капитана, не жестокого похитителя — она видела отца, который не смог спасти дочь. Мужа, который зовёт жену во сне. Сломанного человека, который надел маску чудовища, потому что так проще. И вечером, когда она сидела на своём обычном месте у борта, он подошёл сам.

— Ты сегодня тихая, — сказал он.

— Устала.

— Не лги.

Она подняла глаза. Он смотрел на неё пристально — слишком пристально.

— Ты что-то слышала, — сказал он. — Ночью.

Эльза не ответила. Но молчание само было ответом. Лицо Алана дёрнулось. На мгновение она увидела под маской того самого человека из ночного кошмара — уязвимого, загнанного, отчаянного.

— Что ты слышала? — спросил он тихо. Опасно тихо.

— Достаточно.

— И что теперь? Жалость? — в его голосе прозвучало презрение. — Мне не нужна твоя жалость, рыжая.

— Я знаю, — сказала она. — Вам нужна смерть.

Он замер. Потом резко развернулся и ушёл. Но в этот раз, уходя, он не хлопнул дверью.

Прошла ещё неделя. «Ночной странник» приближается к берегам Аш-Тарина. До порта Валенсет осталось три дня пути. Напряжение между Эльзой и Аланом растёт с каждым часом — теперь они почти не разговаривают, но каждый раз, оказываясь рядом, чувствуют присутствие друг друга кожей.

В одну из ночей Эльза проснулась от того, что дверь её каюты с грохотом открылась. На пороге — Алан.

Эльза села на койке, инстинктивно натягивая одеяло до подбородка. Свеча давно погасла, но луна светила в иллюминатор, заливая кабину мертвенно-бледным серебром. Этому света хватило, чтобы разглядеть его лицо — и то, что она увидела, заставило её замереть.

Он был пьян. По-настоящему, тяжело, страшно пьян. Таким она его ещё не видела. В одной руке болталась бутылка из тёмного стекла, уже почти пустая, в другой он держался за дверной косяк, будто без опоры не мог стоять. Рубашка расстёгнута до середины груди, пепельные волосы растрепаны, глаза — тёмные, лихорадочно блестящие — смотрели на неё с каким-то странным, пугающим выражением.

— Не спишь, — сказал он. Голос был низким, хриплым, чужим. — Правильно. Со мной никто не спит.

— Вы пьяны, — произнесла она, не двигаясь с места.

— Я знаю. — Он усмехнулся криво, нехорошо. — В этом весь смысл.

Он шагнул в кабину. Потом ещё шаг. Дверь за его спиной качнулась, но не закрылась. Эльза почувствовала запах рома — резкий, почти осязаемый, — и что-то ещё, что было страшнее рома. Запах боли, которая слишком долго сидела взаперти и наконец вырвалась наружу.

— Зачем вы пришли? — спросила она тихо. Голос не дрожал. Почти.

Алан остановился посреди каюты. Он был слишком высоким для этого маленького пространства, слишком большим, слишком... опасным.

— Зачем? — переспросил он. — Хороший вопрос. Я сам себе его задаю. Каждую ночь. Зачем я вообще жив? Зачем я здесь? Зачем ты здесь?

— Я здесь, потому что вы меня похитили, — напомнила она.

Он коротко рассмеялся. Смех был невесёлым — лающим, резким, как крик чайки.

— Похитил. Да. Забрал тебя с того жалкого корыта, которое через час всё равно пошло бы ко дну. Спас твою жизнь. И что в ответ? Ты роешься в моих вещах, читаешь мои письма, смотришь на меня своими голубыми глазами так, будто я — чудовище!

— А разве нет?

Он замер. Бутылка качнулась в руке. Эльза увидела, как желваки заходили на его скулах — медленно, тяжело.

— Может, и чудовище, — сказал он наконец. — Но не потому, что я сделал. А потому, чего не смог.

— Я знаю, — сказала она.

— Ничего ты не знаешь!

Голос ударил по переборкам. Где-то наверху, на палубе, наверняка слышали. Но никто не пришёл. Может, не хотели, а может, привыкли.

Эльза встала с койки. Медленно. Осторожно. Она была босиком, в тонкой ночной рубашке, которую ей дал Гарт, но сейчас это не имело значения. Она смотрела на Алана и понимала: перед ней не капитан, не похититель, не человек, который хочет умереть. Перед ней — раненый зверь, загнанный в угол и готовый разорвать любого, кто подойдёт слишком близко.

— Вы правы, — сказала она, не отводя взгляда. — Я не знаю всего. Но я знаю достаточно. Вы потеряли семью. Жену. Дочь. И теперь думаете, что если будете достаточно жестоким, достаточно холодным, достаточно пьяным — боль уйдёт. Но она не уходит, правда?

— Замолчи.

— Вы называете меня ключом. Средством, не целью. Но я не средство, капитан. Я человек. И то, что вы пережили, не даёт вам права...

— Я сказал — замолчи!

Он дёрнулся вперёд, и бутылка выпала из его руки, покатилась по полу, разливая остатки рома. Алан схватил Эльзу за плечи — не ударил, нет, просто сжал пальцами так, что она почувствовала его силу. Он был слишком близко. Слишком. Она ощущала жар его тела, запах рома и пота, видела каждую морщинку в уголках его тёмных глаз, каждую ресницу.

— Ты не понимаешь, — проговорил он, и голос его сорвался на шёпот. — Ты смотришь на меня так, будто я человек. Будто я заслуживаю... чего-то. Жалости. Понимания. Но я не заслуживаю. Я должен был умереть с ними. А вместо этого я здесь, с тобой, везу тебя в Башню, чтобы там обменять твою жизнь на свою смерть. Вот кто я такой. Вот что я делаю.

— Тогда зачем вы меня спасли? — спросила она. Её голос прозвучал глухо, но твёрдо. — В море. Когда мачта упала. Зачем вы прыгнули за мной?

Он не ответил. Его пальцы на её плечах дрогнули.

— Вы могли дать мне утонуть, — продолжала она. — Я не умею плавать, я бы пошла ко дну за минуту. Одним свидетелем меньше. Одной проблемой меньше. Но вы прыгнули. Почему?

— Потому что... — он осёкся. Отвёл взгляд. — Я не знаю.

— Нет, знаете.

— Я сказал — не знаю!

Он отпустил её так резко, будто обжёгся. Отступил на шаг, потом ещё. Прислонился спиной к переборке и закрыл глаза.

— Ты невыносима, — сказал он тихо. — Ты задаёшь вопросы, на которые у меня нет ответов. Ты смотришь на меня, и я... — он замолчал.

Эльза стояла неподвижно. Сердце колотилось так, что, казалось, было слышно во всей каюте. Плечи ныли от его хватки — останутся синяки, — но она не чувствовала боли. Только странное, горькое, почти невыносимое волнение.

— Что? — спросила она. — Что вы чувствуете, когда я смотрю?

Алан открыл глаза. И в этот миг она увидела это. То, что он прятал всё время плавания. За холодом. За грубостью. За приказами и язвительными замечаниями.

Страх. Он боялся. Не её. Себя.

— Я чувствую, — сказал он медленно, будто выдавливая слова, — что ты — единственное, что стоит между мной и тем, чего я хочу больше всего. И при этом ты единственное, что заставляет меня сомневаться, хочу ли я этого вообще.

Эльза не знала, что ответить. Она стояла и смотрела на него, а он смотрел на неё, и между ними было что-то натянутое, как парус под штормовым ветром. Готовое порваться.

— Я не стану вашим оправданием, — сказала она наконец. — И не стану вашим спасением. Если вы хотите умереть — это ваш выбор. Но не смейте делать вид, что это из-за меня.

Алан долго смотрел на неё. Потом медленно, тяжело выпрямился. Лицо его снова застыло, но маска уже не держалась — трещины были слишком глубокими.

— Ты права, — сказал он. — Не из-за тебя.

Он повернулся и пошёл к двери. На пороге остановился.

— Завтра мы будем в Валенсете, — сказал он, не оборачиваясь. — Оттуда — три дня до Аш-Тарина. Башня Четырёх Ветров. Если хочешь — можешь сбежать. Я не стану держать.

— А если я не сбегу?

Он обернулся. В лунном свете его лицо было почти красивым. И почти живым.

— Тогда мы войдём в Башню вместе, — сказал он. — И будь что будет.

Он ушёл. Дверь закрылась. Эльза опустилась на койку. Руки дрожали. Она потянулась за трубкой — своей, не его, — и долго сидела в темноте, глядя, как сизый дым поднимается к потолку и тает в лунном свете.

До рассвета оставалось три часа.

Рассвет. «Ночной странник» входит в порт Валенсета. Город встретил их криком чаек и запахом рынка. Валенсет был всем, чем не был Эвенхолл: ярким, шумным, залитым солнцем, пёстрым от вывесок и шатров, торгующих пряностями, шёлком и живой птицей в клетках. Даже грязь здесь была другой — не серая, безнадёжная, а живая, пахнущая корицей и лошадиным потом.

Алан стоит у штурвала, бледный после вчерашнего, но собранный. Эльза на палубе, смотрит на приближающийся город.

Сердце колотилось. Она почти не спала после вчерашнего — после того, как Алан ушёл, оставив её одну с трубкой и мыслями, которые жалили хуже пчёл. Теперь, при свете дня, его слова казались пьяным бредом. Или наоборот — единственной правдой, которую он осмелился сказать.

Порт гудел. Матросы швартовали корабль, перекрикивались с портовыми грузчиками, таскали тюки. Алан спустился с мостика и подошёл к ней — впервые за утро.

— Мы встанем на ночь, — сказал он ровно, без выражения. — Завтра на рассвете выйдем в Аш-Тарин. Можешь сойти на берег. Если хочешь — не возвращайся.

— Вы даёте мне выбор?

— Я устал тебя держать.

Он развернулся и ушёл, не дожидаясь ответа. Эльза смотрела ему вслед. Устал держать. Или устал бороться с тем, что чувствует?

Она встряхнула головой, отгоняя ненужные мысли. Сейчас важно другое. Он дал ей выбор. И она его сделает.

Она сбежит. Не потому, что боялась Башни. Не потому, что не хотела узнать правду о матери, о письме, о Том-Кто-Знает. А потому, что с каждым днём, с каждым случайным прикосновением, с каждым взглядом исподлобья этот холодный, сломанный, опасный человек прорастал в неё, как сорняк. Она не могла этого допустить. Не сейчас. Не с ним. Лучше уйти, пока ещё можно.

Она сошла на берег ближе к полудню, когда команда разбрелась по портовым тавернам. Никто не остановил её. Гарт только кивнул на прощание, сунув в руку мешочек с серебром — её монеты, которые она отдала капитану Варрену, но которые чудесным образом нашлись в каюте Алана. Она не спросила, откуда они взялись, а может и не хотела знать.

Валенсет оглушил её. После недель в море, после скрипа снастей и мерного плеска волн — этот город был как удар по лицу. Узкие улочки вились между белыми каменными домами, с балконов свисали ковры, где-то гремела музыка, где-то кричал зазывала: «Сладости! Финики в меду! Сладше не пробовали!» Пахло жареным мясом, дымом кальянов и чем-то сладким, приторным — может, цветами, может, духами портовых женщин, что сидели у фонтана и смеялись, сверкая золотыми зубами.

Она шла, сама не зная куда. Главное — подальше от порта. Подальше от чёрных парусов «Ночного странника». Подальше от Алана.

У неё был мешочек серебра, трубка в кармане и смутный план: найти постоянный двор, переночевать, а утром нанять повозку до какого-нибудь городка подальше отсюда. Не в Аш-Тарин. Куда угодно, только не туда.

План рухнул быстрее, чем она ожидала. Улица, по которой она шла, становилась всё уже, всё темнее. Белые дома сменились облупленными стенами, смех — тишиной, запах пряностей — вонью помоев. Эльза остановилась, огляделась и поняла, что заблудилась. А потом услышала шаги за спиной.

Она обернулась. Трое мужчин, крупные, загорелые, с повязками на головах и кривыми ухмылками. Один держал в руке дубинку и лениво постукивал ею по ладони.

— Смотрите-ка, — сказал он на всеобщем с сильным южным акцентом, — какая птичка залетела. Заблудилась, красавица?

— Я просто проходила, — сказала Эльза, отступая на шаг.

— Проходила? — он усмехнулся. — Через Нижний рынок? В одиночку? С таким личиком? Нет, птичка, ты не проходила. Ты прилетела прямо в силоч.

— У меня нет денег, — сказала она, хотя мешочек с серебром жёг бедро сквозь ткань плаща.

— Деньги — это хорошо, — сказал второй, приземистый, с золотой серьгой в ухе. — Но мы торгуем не деньгами. Мы торгуем товаром.

Эльза похолодела. Она дёрнулась бежать, но первый оказался быстрее. Дубинка свистнула — и мир взорвался болью.

Очнулась она в темноте.

Голова раскалывалась. Во рту — вкус крови. Она попыталась пошевелиться и поняла, что руки связаны за спиной грубой верёвкой, врезавшейся в запястья. Под ней была солома — грязная, влажная, воняющая крысами. Где-то капала вода. Подвал. Или погреб. Или что похуже.

Эльза застонала и попыталась сесть. Получилось не сразу — комната качалась, перед глазами плавали тёмные пятна. Но она заставила себя подняться, привалилась спиной к холодной каменной стене и попыталась осмыслить происходящее.

Работоторговцы. Она попалась работоторговцам. Сердце ухнуло в пятки. В Эвенхолле рабства не было — ни официального, ни подпольного, — но она читала книги, она знала, что в Южных землях оно процветает. Пленников продавали в Аш-Тарин, в Иллирию, в далёкие восточные королевства, названий которых она даже не помнила. Особенно ценились молодые женщины. Особенно — такие, как она.

— Очнулась, рыжая? — Голос раздался откуда-то сверху. Она подняла голову и увидела человека, спускавшегося в подвал по лестнице. Тот самый, с дубинкой. Без неё он был ещё страшнее: лысый, с бычьей шеей и маленькими, близко посаженными глазами. Глазами, в которых не было ни злобы, ни интереса — только холодный, деловой расчёт.

— Я же сказала, у меня нет денег, — прохрипела Эльза.

— Врёшь, — спокойно ответил он. — Обыскали. Мешочек серебра в плаще. Негусто, но на первое время хватит.

— Это всё, что у меня есть.

— Уже нет, — он хмыкнул. — Это теперь наше. Как и ты сама.

Она молчала, глядя на него снизу вверх. Страх был. Был ужас, липкий, холодный, растекшийся по жилам. Но где-то под страхом, как всегда, тлело упрямство. Она не заплачет. Она не станет умолять. Она скорее умрёт, чем доставит им такое удовольствие.

— Что вы со мной сделаете? — спросила она.

— Продадим, — сказал он буднично. — В Аш-Тарине хороший рынок. Рыжие в цене. Глаза голубые — тоже редкость. Можно взять хорошую цену. А пока посидишь здесь, подумаешь о поведении.

Он развернулся и пошёл наверх.

— Эй, — окликнула она. — Я не товар.

Он остановился на ступеньке, обернулся и посмотрел на неё сверху вниз.

— Теперь товар, — сказал он. — Привыкай.

Люк захлопнулся. Темнота стала крошечной.

Три дня в подвале слились в один бесконечный кошмар. Её почти не кормили — бросали раз в день кусок чёрствого хлеба и кружку воды, которую она едва могла удержать связанными руками. Не выводили на свет. Она спала на гнилой соломе, просыпалась от крысиного писка и снова забывалась тяжёлым, мутным сном без сновидений. Вонь стояла такая, что к горлу подступала тошнота.

На второй день её впервые ударили. Она попыталась спросить, когда её выведут, — просто спросить, без дерзости, без вызова. Но человек с бычьей шеей, которого остальные называли Борг, развернулся и врезал ей по лицу тыльной стороной ладони. Эльза отлетела к стене, ударилась затылком о камень, и на какое-то время она потеряла сознание. Когда очнулась, губа была разбита, а в ушах звенело.

— Будешь говорить, когда спросят, — сказал Борг. — А пока молчи.

На третий день избили сильнее. Она не поняла, за что. Может, просто так. Может, кому-то из охранников было скучно. Двое спустились в подвал, поставили её на колени и били — ногами, кулаками, чем-то твёрдым, что оставляло рваные ссадины на спине и плечах. Эльза не кричала — кусала губу до крови, сжимала зубы, глотала стоны. Она знала: если закричит — будет хуже. Если заплачет — будут бить, пока не перестанет.

Когда они ушли, она лежала на соломе, свернувшись в клубок, и считала рёбра языком боли. Сломано? Может, трещина. Может, просто ушиб. Дышать было больно, двигаться — ещё больнее. Но она была жива. Почему-то это казалось важным.

На четвёртый день люк открылся, и в подвал спустился новый человек. Он был не похож на остальных. Одет лучше — чистый кафтан, кожаные сапоги, серебряный перстень на мизинце. Волосы гладко зачёсаны, лицо узкое, с острой бородкой и холодными, как монеты, глазами. Он брезгливо поморщился, оглядев подвал, и остановил взгляд на Эльзе.

— Это она? — спросил он у Борга, стоявшего за спиной.

— Она. Рыжая. Голубоглазая. Молодая.

Человек в кафтане подошёл ближе. Наклонился, разглядывая Эльзу, как разглядывают лошадь перед покупкой. Взял её за подбородок, повернул лицо к свету. Она не сопротивлялась — сил не было.

— Хороша, — сказал он задумчиво. — Очень хороша. Следы побоев, конечно, портят товар... но это временно. Заживёт.

— Шрамы останутся, — буркнул Борг. — На спине.

— Шрамы на спине покупателя не интересуют. Лицо цело — и ладно. Сколько хочешь?

— Сто золотых.

— Сто? За битую беглую девку? Ты шутишь, — Человек в кафтане рассмеялся сухо и неприятно, — Пятьдесят.

— Семьдесят! Она не просто беглая, она с севера. Посмотри на кожу, на волосы. В Аш-Тарине за такую дадут двести, а то и триста, ты сам знаешь.

— Знаю, — согласился человек. — Но везти её туда — мой риск. Шестьдесят.

— Шестьдесят пять.

— Шестьдесят. И я забираю её завтра утром.

Борг сплюнул на пол, подумал и кивнул.

— Забирай.

Человек в кафтане ещё раз взглянул на Эльзу — без интереса, без злобы, просто как на строчку в бухгалтерской книге, — и ушёл. Люк захлопнулся и она осталась в темноте.

Завтра утром её увезут в Аш-Тарин. В тот самый город, куда она отказывалась плыть с Аланом. В ту самую Башню, от которой она бежала. Только теперь она поедет туда не как свободный человек — как рабыня. Как товар в клетке. Жестокая усмешка судьбы.

Эльза закрыла глаза. Боль пульсировала в рёбрах, в разбитой губе, в запястьях, стёртых верёвками. Но где-то глубоко внутри, под слоями боли и страха, теплилась мысль. Глупая, упрямая и нелогичная.

Она не знала, почему так думала. Алан сказал — можешь не возвращаться. Сказал — устал держать. Он не должен был искать её. Не должен был заметить, что она не вернулась. Не должен был рисковать ради ключа, который сам же обещал отпустить.

И всё же она надеялась, что он придет. Может быть, потому что помнила его глаза там, на палубе. Пьяные, отчаянные, честные впервые за всё время. Может быть, потому что он прыгнул за ней в море, а может быть, потому что ей просто нужно было во что-то верить. В кого-то верить. И кроме него — не в кого.

Глава 3

Алан

Она не вернулась. Алан стоял на палубе «Ночного странника», уперев руки в планшир, и смотрел на портовые огни Валенсета. Солнце село, и город медленно погружался в духоту южной ночи — влажную, липкую, полную запахов жареной рыбы, гниющих водорослей и дыма сотен жаровен. Где-то играла музыка — дёрганный ритм уличных барабанов, — где-то кричали пьяные матросы, но он не слышал ничего. Внутри было тихо. Слишком тихо. Так тихо бывает перед штормом, когда ветер вдруг стихает и море становится гладким, как стекло. Все моряки знают: такая тишина — к беде.

— Капитан. — Гарт подошёл сзади и встал рядом. Старый кок вытер руки о передник и покосился на Алана. — Уже за полночь. Может, она просто загуляла? Девчонка молодая, первый раз на юге. Рынок, пряности, ткани всякие...

— Она не загуляла.

— Почему вы так уверены?

Алан не ответил. Он сам не знал почему. Просто чувствовал: что-то было не так. Что-то висело в воздухе, как запах гари от далёкого пожара, которого ещё не видно, но который уже не выветрить из ноздрей.

Эльза не из тех, кто теряет голову от цветных тряпок. Она из тех, кто курит трубку и смотрит на тебя так, будто знает о тебе больше, чем ты сам. Если она ушла — значит, намеренно. Если не вернулась — значит, что-то случилось.

— Надо было запереть её, — сказал он вслух, не Гарту — себе.

— Вы дали ей выбор, — напомнил кок.

— Я дал ей выбор, — повторил Алан, и каждое слово было горьким, как желчь. — Потому что я идиот.

Он чувствовал себя дураком. Стоял сейчас и смотрел на огни чужого города, а где-то там, в лабиринте улиц, бродила — или лежала, или... — девчонка, которая была его единственным шансом. Ключом. Проклятым ключом к Башне, к смерти, к покою, которого он искал пять лет. И он отпустил её. Дал ей уйти. Потому что она смотрела на него своими голубыми глазами, и он не выдержал этого взгляда. Слабость. Непростительная слабость.

— Поднимай людей, — бросил он. — Мы идём в город.

— Всех?

— Всех, кто может стоять на ногах и держать оружие. Если с ней что-то случилось, — он помедлил, и желваки на скулах заходили, — я лично сожгу этот город.

Гарт посмотрел на него долгим взглядом, но ничего не сказал. Только кивнул и пошёл будить команду.

Первая ночь не дала ничего. Алан разбил людей на группы и отправил прочёсывать портовые кварталы — таверны, постоянные дворы, игорные притоны, бордели. Сам он обошёл, кажется, каждую дыру в Нижнем городе. Спрашивал. Показывал серебро. Иногда — нож. Никто не видел рыжую северянку.

— Может, она села на другой корабль? — предположил Гарт под утро, когда они встретились у фонтана на центральной площади. — Ушла в море до рассвета?

— Она не могла уйти в море. У неё не хватило бы денег.

— Откуда вы знаете, сколько у неё денег?

Алан промолчал. Он знал, сколько у неё денег, потому что сам вернул ей мешочек — тот самый, что она отдала капитану Варрену. Он забрал его у Варрена под предлогом «конфискации», а на самом деле — чтобы вернуть Эльзе. Сам он ей об этом не сказал. Просто положил мешочек в каюту, пока она спала. Серебра там было ровно столько, чтобы снять комнату на пару ночей и купить место в торговом караване до какой-нибудь деревни. Не больше.

— Она всё ещё в городе, — сказал он. — Или была здесь, когда с ней что-то случилось.

— Может, ничего не случилось? Может, она просто хорошо спряталась?

Алан не ответил. Он поднял голову и посмотрел на восток, где небо уже начинало светлеть. Пели первые петухи. Город просыпался — медленно, нехотя, как старик с больными костями. Где-то закричал муэдзин, созывая правоверных на утреннюю молитву. Где-то торговцы загребали ставнями. Эльзы не было.

— Есть одна зацепка, капитан.

Это был Тамил — молодой матрос с татуировкой дракона на шее, тот самый, что тарасился на Эльзу, когда она только поднялась на борт «Чайки». Он запыхался, будто бежал через полгорода.

— Говори.

— Мальчишка один. Беспризорник. Промышляет у Нижнего рынка, ворует кошельки у зазевавшихся. Я поймал его, когда он пытался стащить мой, ну и... поговорил.

— Поговорил?

— Ну, прижал к стенке. Спросил про рыжую девушку. Он сначала молчал, потом сказал, что слышал кое-что.

— Что? — Алан подался вперёд.

— Что три дня назад какие-то люди схватили девушку у Нижнего рынка. Рыжую. Она кричала и отбивалась, но её ударили по голове и утащили.

Три дня. Сердце Алана пропустило удар. Три дня — это вечность. За три дня её могли продать, вывезти, убить, сделать с ней что угодно. А он сидел в порту и ждал, как последний дурак, надеясь, что она просто загуляла.

— Где этот мальчишка?

— Там же, у рынка. Я сказал ему ждать.

— Идём.

Нижний рынок Валенсета был местом, куда приличные люди не заходили даже днём. Сейчас, ранним утром, он выглядел почти мирно: торговцы раскладывали товар, грузчики таскали тюки, нищие просыпались в своих картонных коробках. Но Алан знал этот рынок. Знал, что творится здесь по ночам. И знал, что днём здесь тоже небезопасно — просто опасность другого рода. Менее заметная. Более хитрая.

Мальчишку они нашли у старого фонтана, который, кажется, не работал со времён Первых Королей. Ему было лет десять-одиннадцать, не больше. Чумазый, босой, в драной рубаше, но глаза — шустрые, цепкие. Такие глаза бывают у тех, кто слишком рано научился выживать.

— Ты? — спросил Алан.

— Я, господин, — мальчишка шмыгнул носом. — Ваш человек сказал — серебро запла-
тите.

— Заплачу. Если расскажешь правду. Что ты слышал про рыжую девушку?

— Три дня назад это было, — мальчишка понизил голос и оглянулся, будто опасаясь, что его подслушают. — Я тут... ну, работал. Кошельки, то да сё. И видел, как люди Борга схватили девушку.

— Борга?

— Ну да. Лысый такой, с бычьей шеей. У него тут притон за рынком. Он рабами торгует. Девушками, детьми... ну, всякими.

Алан почувствовал, как внутри всё больше холодеет. Работоторговцы. Она попала к работоторговцам. Хуже и быть не могло.

— Ты уверен, что это была та самая девушка? — спросил он, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Рыжая, господин. Волосы — как огонь. И глаза голубые, я сам видел, я близко был. Она отбивалась, кричала, но их было трое. Один ударил её дубинкой по голове, и она затихла.

Алан закрыл глаза. Перед внутренним взором вспыхнула картинка: Эльза лежит на грязной мостовой, а над ней стоят трое ублюдков. И никто не помог. Никто не вмешался. Он открыл глаза.

— Где притон Борга?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.